

ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ, ИЛИ ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Времена сейчас мирные, но войны тем не менее идут. Происходят как региональные конфликты, так и локальные столкновения, но это все же меньшее зло, чем большой глобальный взрыв. К счастью, противоречия между мировыми титанами пока не приводят к кровопролитиям. Здесь нет святых, когда мы говорим о намерениях и действиях, так как никто из троих наиболее влиятельных на данный момент акторов на политической и военной сцене — США, Китай и Россия — не без греха. Все они играют мускулами, что рушит международные отношения и отдает новой холодной войной, причиняя в то же время ущерб экономическому сотрудничеству и попыткам создать более масштабную версию глобализации.

К сожалению, мы уже можем говорить о Второй холодной войне. Именно так я назвал современное положение дел несколько лет назад на мероприятии, посвященном столетию начала Первой мировой войны. Я написал тогда: «Сто лет назад войну было не сдержать. Она длилась почти четыре с половиной года, миллионы людей были убиты. В начале никто не осознавал, что это будет мировая война, но она быстро стала таковой. В 1920-х и 1930-х ее называли Великой войной. Но после второй войны, разразившейся 25 лет спустя, предыдущую, 1914–1918 годов, назвали Первой мировой. Вскоре после того, как закончилась Вторая мировая (1939–1945), началась холодная война. Ее развязал Запад в противовес Востоку, который был побежден несколько десятилетий спустя. После 1989 года даже был провозглашен «конец истории». Как недальновидно...

Через всего лишь одно поколение, заставшее более или менее мирное время, началась Вторая холодная война. В связи с этим войну 1946–1989 годов историки станут называть Первой холодной войной. Ее выиграли те, кто начал, — Запад. Сейчас Запад снова начинает холодную войну — Вторую. Но теперь он не победит, как не победит и Восток. В этой войне выиграет Китай,

который преследует собственные интересы, прилагая основные усилия к развитию экономики и год от года укрепляя свои международные позиции. Через несколько лет, возможно, через десятилетие, когда американские и российские ястребы со своими сторонниками устанут от неблагодарной холодной войны, обнаружится, что Китай нарастил огромную силу и стал мощной сверхдержавой, по абсолютным и относительным критериям сравнимой с США, Евросоюзом и Россией. Позиции других стран, отказывающихся погружаться в хаос еще одной холодной войны, в том числе тех, где экономика становится все свободнее, тоже улучшатся [8]. На самом деле это и есть цель — не быть втянутыми в эту войну.

Самая богатая страна мира, Соединенные Штаты Америки, вместо того чтобы повысить расходы на социальные пособия, подумать о создании экономических основ для мирного развития, урезает их, чтобы иметь больше средств на вооружение. Даже несмотря на то, что это уже очень большие средства, Сенат США обсуждает их увеличение до 80 млрд долларов в 2019 году и 85 млрд в 2020-м [1]. По состоянию на 2018 год установлены расходы в 692,1 млрд долларов, что демонстрирует экспоненциальный рост на 18,7 % по сравнению с предыдущим годом. В то же время Россия снижает военные расходы на 9,2 % — до 2,77 трлн рублей, или 42,3 млрд долларов [2]. Это на удивление мало по сравнению с США, но относительно гораздо больше, потому что в то время как США выделяют «всего лишь» 3,3 % своего бюджета на военные расходы, в России эта статья достигает примерно 5 %. Президент России Владимир Путин подтверждает сокращение военных расходов в связи с необходимостью повысить расходы на здравоохранение, образование, науку и культуру (чему можно только аплодировать), однако его критики возражают, что это всего лишь тактическая политическая уловка (за что следует пожурить).

В Китае отношение военных расходов к бюджету почти вдвое меньше, чем в США, и составляет 1,9 % ВВП, но их доля быстро растет. В абсолютном значении военные расходы Китая составляют почти треть от американских —

около 230 млрд долларов в год, но давайте не будем забывать, что существуют также расходы, которые по факту являются военными, но заявляются как другие статьи. Например, ассигнования на исследования и развитие, которые очевидно обслуживают армию, проходят по статье «наука». Следует признать, что это касается не только Китая; остальные делают так же.

Таким образом, военные расходы Китая все еще гораздо меньше американских, но необходимо подчеркнуть, что в то время как США, несмотря на возрастающие в последнее время издержки, тратят меньше, чем десять лет назад, Китай тратит почти на 120 % больше. Небольшим утешением служит то, что другие страны с самым большим в мире военным бюджетом повысили свои расходы намного меньше.

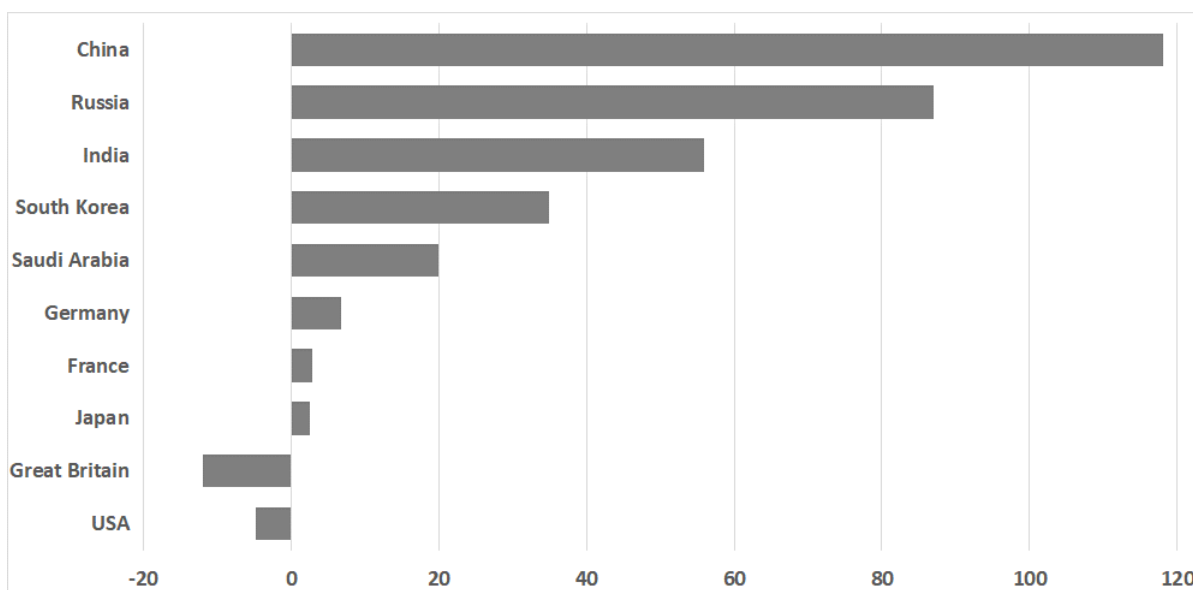

Рис. 1. Динамика оборонных расходов основных военных держав (2007–2016), %

Источник: авторское сведение воедино данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира

Аналитики подчеркивают преобладание расходов на оборонительное вооружение во всех военных расходах Китая. Одна из важнейших задач в данной области — развитие производства вооружения, чтобы в случае конфликта можно было дать отпор американским военным силам. Таким

образом, смысл в том, чтобы отбросить неприятельскую армию как можно дальше от своих границ, предпочтительно в самые отдаленные тихоокеанские регионы, а не приблизить свою к чьим-либо границам. Эта стратегия известна в военных кругах как A2AD. Это никоим образом не препятствует разработке различных типов наступательного вооружения, включая оружие высокой сложности, как, например, беспилотники, которые Китай уже экспортирует в растущих масштабах. Он пока сильно отстает в этом отношении от США и России, так же как от Великобритании и Франции, но известно, что при 75 % возможностей по сравнению с западными Китай продает их на 50 % дешевле [10]. Для многих покупателей это выгодная сделка, так что, к сожалению, гонка вооружений обретает новый импульс.

Еще большее беспокойство вызывает то, что президент Дональд Трамп вместо того, чтобы искать примирения и создавать новые каналы для международного сотрудничества, через год после занятия все еще самого важного в мире кабинета объявляет Китай и Россию не партнерами, а противниками США. Поэтому неудивительно, что даже такой влиятельный еженедельник, как англо-американский *The Economist*, предостерегает против растущей угрозы конфликта между сверхдержавами. Неслучайно он сделал это в выпуске, который вышел во время ежегодного Мирового экономического форума в январе 2018 года, чтобы еще больше поднять уровень адреналина у политиков и бизнесменов, финансистов и банкиров, ученых и представителей средств массовой информации в Давосе [12]. Так бояться ли нам чего-либо? И если да, то кто и что является угрозой?

Во многих частях света особенно паникуют по поводу Китая, чья растущая мощь представляется угрозой мирной жизни для остальных. Эту страну боятся не только государства, расположенные в том же регионе, не только ближайшие соседи, такие как Япония, Южная Корея, Индия и Пакистан, но и страны в более отдаленных частях мира, включая Запад, особенно США и некоторые европейские страны, подверженных синофобии. Другим государствам, наоборот, китайская экспансия дает надежду на более

сбалансированный мир, на новый мировой порядок, где будет сильный противовес Западу, сосредоточенному исключительно на собственных интересах.

Антикитайская риторика особенно нарастает в среде американского истеблишмента, в некоторых консервативных средствах массовой информации и в части научного сообщества. Чрезмерная нервозность нежелательна и вредна для бизнеса, хотя она может быть оправдана в ситуациях, когда бизнесмены и топ-менеджеры выбиты из колеи неспособностью поддерживать конкуренцию с иностранцами, зачастую именно с Китаем. Еще хуже, если самообладание теряют политики и лоббисты, а также те, кто связан с медийным и научно-исследовательским сообществом.

Что поражает меня как нечто давно не слыханное, возможно, со времен прошлой холодной войны, так это агрессивное, скорее эмоциональное, чем рациональное публичное нападение (вместо беспристрастной, разумной критики) еженедельника The Economist, который озаглавил тему номера «Как Запад ошибся в Китае». Журнал утверждает, что Запад «поставил на то, что Китай будет двигаться в сторону демократии и рыночной экономики. Но они проиграли ставку. <...> Китай не является рыночной экономикой и, идя нынешним курсом, никогда ею не станет. Вместо этого он усиливает контроль за бизнесом как рычаг государственной мощи. Он рассматривает большой спектр производства как стратегический. Его план „Made in China 2025“, например, предполагает субсидии для десяти сфер производства, чтобы вывести их в мировые лидеры. В этот список входит авиастроение, технологии и энергетика, которые в сумме составляют 40 % всего производства» [3]. Это факт, что Китай вместо того, чтобы перенять западную, не регулируемую государством рыночную экономику, идет своим путем активного экономического вмешательства, проводя хорошо продуманную индустриальную политику, которую, кстати, когда-то проводили многие развитые страны, а некоторые из них, например Южная Корея, до сих пор не отказались от нее. Если дела действительно так плохи, как настойчиво

утверждают те, кому не нравится китайский путь, потому что он облегчает жизнь китайцам, а не им, то дальнейшие рассуждения должны быть ограничены поиском ответа на вопрос, почему это произошло и какие выводы должны быть сделаны. Реальность, однако, еще более запутанна.

Конечно, критика Китая небеспочвенна, ведь экономическая политика и системные решения там направлены на решение внутренних задач, что может дорого обойтись тем, кто в сложившихся обстоятельствах не способен угнаться за конкуренцией. Независимо от структурной неспособности США уравновесить свой торговый баланс, что уже некоторое время является главной причиной антикитайских настроений, имеют место как случаи шпионской деятельности Китая в США и других западных странах, так и разнообразные попытки использовать меры организационно-информационного характера, чтобы повлиять на происходящее. И все же так китайцы лучше узнают американцев, нежели наоборот.

Торговый дефицит США является, в первую очередь, следствием слабого и недостаточно конкурентоспособного экспортного предложения страны, а не несправедливой китайской конкуренцией, как утверждает Дональд Трамп и другие синофобы. Пришло время понять, что фундаментальная причина конкурентной несостоятельности некоторых секторов США заключается в том, что они живут не по средствам, что проявляется, в частности, в высокой заработной плате работников, вознаграждении для менеджеров и прибыли для владельцев. В расширенном анализе расходов и прибылей заработная плата выступает главным фактором, определяющим издержки, которые в конечном итоге оказываются относительно высокими по сравнению с рынком либерального мира. Однако протекционистские практики не дадут пользы в долгосрочной перспективе, а словесные атаки на Китай и вовсе бесполезны. Единственным итогом такой политики станет разрушение отношений, которые и сегодня уже далеки от идеальных.

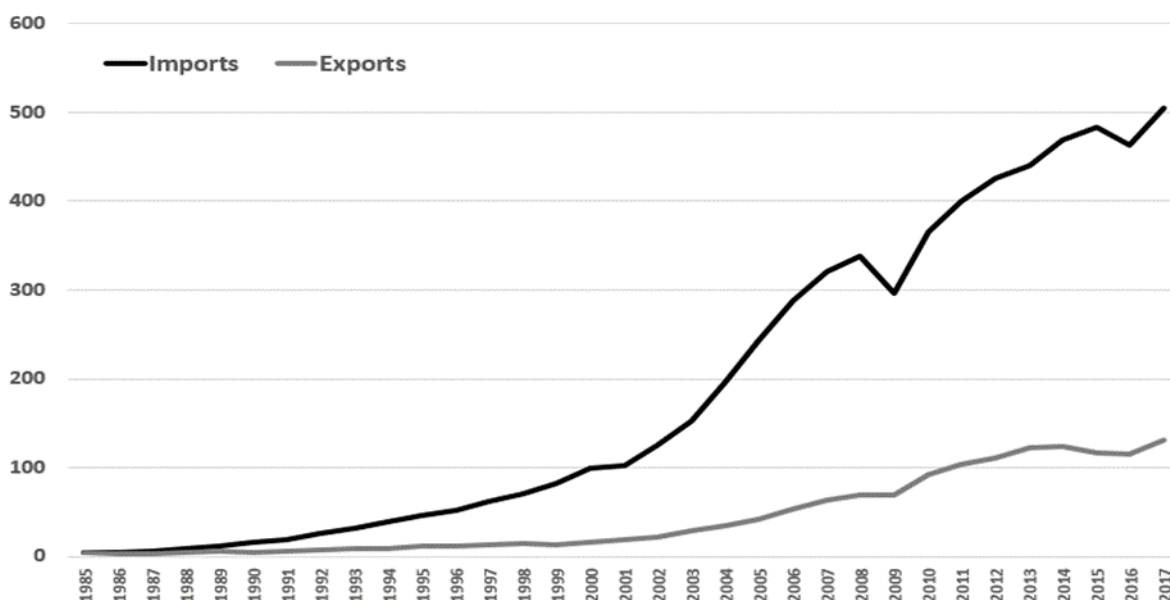

Рис. 2. Объемы торговли США с Китаем в 1985–2017 годах (млрд долл. США)

Источник: Данные Международного валютного фонда

Недовольство действительно огромным преобладанием экспорта китайских товаров в США над американским в Китай не позволяет дать всестороннюю оценку отношениям двух стран. Польша, например, имеет относительно более высокий по сравнению со своим национальным доходом дефицит в торговле с Китаем, но ей удается балансировать его в общем объеме внешней торговли, фиксируя положительное сальдо в других отношениях. Статистике свойственно упрощать реальность. Факт в том, что в двусторонних торговых отношениях Китай платит Польше в 12 раз меньше за прямой экспорт, чем за импорт из Китая. В то же время автомобили, компоненты которых производятся в Польше, составляют значительную часть немецкого экспорта в Китай. Автомобили занимают первое место в обширном немецком экспорте на сумму 1,4 трлн долларов США, 6,4 % которых уходят в Китай. Если предположить, что немецкий автомобильный экспорт в стоимостном выражении составляет 10 % продукции польской автомобильной промышленности, то общая сумма достигнет 30–35 млрд злотых (около 1,5 % ВВП страны). Следовательно, если провести всесторонний анализ, то окажется, что торговый обмен с Китаем создает гораздо больше рабочих мест и обеспечивает бóльшую прибыль, чем кажется на первый взгляд.

США на это не способны, из-за чего их торговый дефицит стал постоянным явлением. В 2017 году он составлял 375 млрд долларов в торговле с Китаем, а общий разрыв достиг 566 млрд долларов. Это раздувает пламя риторики, направленной против Китая и некоторых других стран, особенно соседней Мексики, но все еще далеко от лихорадки антисоветского психоза времен Маккарти в 1950-х годах. И все же панические антикитайские настроения в Вашингтоне только крепнут. «Усилия Китая по оказанию скрытого влияния на Запад так же тревожат, как и российская подрывная деятельность», — заявляет Майк Помпео. «Подумайте о масштабе двух экономик... У китайцев гораздо больше возможностей выполнить эту миссию, чем у русских» [4]. Такие слова из уст одного из самых влиятельных политиков Вашингтона заставляют если не забеспокоиться, то точно задуматься.

Довольно противоречивыми представляются картины исторической перспективы. С одной стороны, империализм западного образца должен смениться восточным коммунистическим. Реальная ли это перспектива или сущий иррационализм, потому что в Китае нет коммунизма, а сама страна не стремится к мировому господству? С другой стороны, Китай может спасти мир от грозящей экономической и экологической угрозы, поскольку обладает исключительной способностью к долгосрочному и комплексному подходу к решению проблем, а не ориентируется эгоистично только на свои интересы. Стены нашего общего глобального дома можно было бы украсить множеством картин, достойных созерцания, словно в галерее эклектических искусств.

Противоположные ценности, конфликты интересов, неоднозначные ситуации, неясные намерения приводят к тому, что одни и те же факты интерпретируются совершенно по-разному. В то время как ни слова критики не прозвучало в связи с назначением Ангелы Меркель канцлером Германии на четвертый срок полномочий, отмена положения китайской конституции, ограничивающего президентство двумя сроками, повлекло за собой настоящий скандал. Игнорируя тот факт, что ключевой фигурой в политической иерархии

Китай является председателем единственной правящей партии, а роль президента весьма незначительна, многие только поэтому склонны считать, что с этого момента нынешний лидер Китая Си Цзиньпин, который, позвольте заметить, только вступил в свой второй пятилетний срок, становится пожизненным диктатором. Между тем другие подчеркивают, что это правильный шаг, который сам по себе не определяет, кто именно уступит власть, но при необходимости обеспечит преемственность в сфере руководства политикой долгосрочного развития. При нынешнем нарастании проблем, требующих стратегического планирования, такой подход представляется правильным.

Оставляя нерешенной дилемму «диктатора или стратега» (и не беря в расчет, что теоретически обе роли может исполнять одно и то же лицо), стоит подчеркнуть, что именно ограничение срока полномочий государственных чиновников, которые избираются часто и на короткий период, нередко влечет за собой близорукость в мышлении и действия с очевидными негативными последствиями для социально-экономического развития. Такого рода временной горизонт, при котором рассматриваются различные сценарии действий, безусловно, не характерен для китайской политики. Как раз наоборот: во многих случаях именно благодаря отсутствию негативного влияния политических циклов на экономику, столь типичного для западной либеральной демократии, китайский способ управления экономикой гораздо качественнее.

В нашем прекрасном демократическом мире продолжают всевозможные референдумы и выборы: в Греции и Италии, в Великобритании и Франции, в Австрии и Нидерландах, в Испании и Германии, тогда как в Китае все спокойно... Где-то в далекой Бразилии президент подвергся импичменту; чуть ближе, в Южной Корее, президента свергли, а в Южно-Африканской Республике президент был вынужден уйти в отставку, тогда как в Китае все спокойно... В Северной Африке и на Ближнем Востоке «арабская весна» сама себя скомпрометировала, а в Китае все еще спокойно... Даже в

предположительно институционально зрелом и экономически продвинутом Европейском союзе время от времени кого-то нужно покритиковать или отстранить от должности, тогда как в Китае все спокойно... По крайней мере, относительно.

Со своей спецификой экономической и политической системы, созданной за последние 70 лет, Китай привлек внимание многих развивающихся стран. В ситуации, когда классическая экономика развития потерпела неудачу [5, 6], для многих экономистов и политиков — от Бангладеш до Сенегала и Эквадора, от Азии до Африки и Латинской Америки — китайская модель, хорошо зарекомендовавшая себя на практике, достойна глубокого и критического анализа, а также творческой адаптации и применения в их странах. Китай — уникальное государство, которое всего за два поколения, планомерно осуществлявших рыночные реформы начиная с 1978 года, прямо сейчас меняет свой статус, переходя из категории стран с низким уровнем дохода (согласно терминологии Всемирного банка) в категорию стран с высоким уровнем дохода, которого, по оценкам, достигнет уже в 2024 году [7].

Если выделить четыре фундаментальных различия между высокоразвитыми и слаборазвитыми или, с другой точки зрения, богатыми и бедными странами, то отчетливо прослеживается превосходство первых в плане капитала, технологического прогресса, образовательных возможностей, качества человеческого капитала и уровня развития современной инфраструктуры. В каждой из этих сфер Китай добился огромного количественного и качественного прогресса. В некоторых отношениях он даже опережает богатые страны, особенно когда речь идет о располагаемом капитале инвесторов и некоторых элементах физической инфраструктуры. Достаточно осознать, что три десятилетия назад по всей стране было не более 600 км автострад, теперь же их в сто раз больше — около 60 тыс. км. Высокоскоростных железных дорог не было вовсе, сегодня протяженность их сети составляет 20 тыс. км (в США их нет вообще). С этой точки зрения Китай

в полном порядке и если и отстает от лидеров, то незначительно. Правда, в социальной инфраструктуре по сравнению с высокоразвитым Западом по-прежнему видна отсталость.

Бедные страны бедны в основном потому, что они не овладели навыками управления экономикой и регулирования экономических процессов. Без этих навыков один только рынок мало что дает; он целесообразен на ярмарке или местном рынке, но не подходит для такой сложной формации, как экономика целой страны, для наций и государств. Любой видевший живость и неисчерпаемую энергию людей на улицах Дакки или Лимы или на границе Нигерии и Бенина, несомненно, признает трудолюбие и предприимчивость этих народов, но в самой массе движущихся людей и товаров очень сложно увидеть какую-либо сложную форму организации, управления, координации, надзора и контроля. Этого может быть достаточно, когда вы торгуете помидорами или батарейками для фонариков (импортированных из Китая, откуда же еще?), но не для современных, очень сложных динамических экономических систем. Здесь требуется продвинутый уровень управления и квалифицированного, выверенного регулирования, недостаток которых стал хронической болезнью в самых бедных странах.

Слаборазвитые институты являются одной из основных причин плохого состояния экономики [1]. Речь идет об институтах не в организационном смысле, а в поведенческом, то есть о нормах поведения, «правилах игры» в экономике, таких как те, что кодифицированы в действующих нормативных актах, и те, что основаны на культуре и обычаях, сформированных на основе практического опыта [9; 11].

В странах с централизованно планируемой экономикой определенно не было недостатка в управлении и регулировании; в Китае его тоже нет. Однако там эти институты строились в соответствии с характером страны и нередко принимали громоздкую и чрезмерно бюрократизированную форму. В сочетании с типичной для государственного социализма тенденцией к преимущественному развитию тяжелой промышленности, в том числе

оборонной, это способствовало мобилизации средств и накоплению капитала, необходимого для расширения, однако этот приоритет не способствовал производству средств потребления. Неудивительно, что такие сверхдержавы, как Советский Союз (сначала) и Китай (позже), сумели организовать производство ядерной бомбы и завоевать космос, но не смогли обеспечить постоянные поставки продовольствия для населения.

Китай, установивший исторический курс на то, чтобы догнать развитые страны, радикально сократил четыре различия, отделявшие его от богатых экономик, и добился значительных успехов в устранении институционального разрыва. Это достигается не только путем активной адаптации институтов, оказавшихся эффективными в рыночной экономике Запада, и изменения некоторых из ранее использовавшихся методов администрирования и регулирования, но также путем внедрения собственных оригинальных институциональных решений. Здесь же ясно видно значение управления изменениями и творческой целостности в реинституционализации экономики. Много еще предстоит сделать, и, разумеется, когда дело доходит до гонки за богатыми странами в будущем, предстоит сделать гораздо больше, чем аккумулировать физический и человеческий капитал, нарастить потенциал современных технологий и физической инфраструктуры. Вот когда завершится один из важнейших сюжетов битвы за будущее.

Но... В подобных «но» нет недостатка. Как в крови биологического организма может быть избыток или недостаток холестерина, так и в социально-экономическом круговороте, включающем производство и хранение, распределение и продажи, сбережения и инвестиции, банковское дело и финансы, предприятия и государства, может быть слишком мало или слишком много учреждений. К тому же, как есть хороший и плохой холестерин, так есть и хорошие и плохие учреждения. Не каждое институциональное изменение способствует росту и экономическому балансу или содействует развитию. Иногда бывает наоборот. Если администрирование, вмешательство и регулирование не стимулируют накопление и лучшее

распределение капитала, а работают на бюрократию и коррумпированный государственный аппарат, на пресловутых «чиновников» и «политические элиты», помогая им паразитировать на коллективной экономической деятельности, то это плохой холестерин. Организм страдает как при дефиците хорошего холестерина, так и при отклонении в другую сторону. То же самое происходит в случае слабости государства и его регулятивных функций, что позволяет недобросовестным бизнесменам, печально известным «капиталистам» присваивать результаты чужой работы.

В современном Китае такой институциональный риск велик, поскольку многие вопросы еще не решены окончательно, если их вообще можно будет решить. Учитывая, что экономическая система находится *in statu nascendi* и претерпевает множество изменений в сфере экономического регулирования, что может привести как к избыточному, так и к недостаточному управлению, трудно сказать, какой из этих двух путей в настоящее время представляет бóльшую угрозу для Китая. И тот, и другой должны постоянно находиться в поле зрения.

Литература

1. *Acemoglu D. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, Robinson J. A. — N. Y. : Crown Business, 2012.*
2. *Bershidsky L. Russia's Military Is Leaner, But Meaner / L. Bershidsky // Bloomberg View. — 2017. — Dec. 14th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-12-14/russia-s-military-is-leaner-but-meaner>.*
3. *China moves into Latin America // The Economist. — 2018. — Febr. 3rd [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.economist.com/news/americas/21736192-asian-giant-taking-advantage-other-powers-lack-interest-region-china-moves>.*
4. *CIA chief says China 'as big a threat to US' as Russia // BBC News. — 2018. — Jan. 30th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42867076>.*

5. *Easterly W.* The Elusive Quest for Growth. Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics / W. Easterly. — Cambridge, Mass. ; L. : MIT Press, 2002.

6. *Easterly W.* White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good / W. Easterly. — N. Y. : The Penguin Press, 2006.

7. *Hofman B.* Reflections on forty years of China's reforms / B. Hofman // East Asia & Pacific on the Rise. — 2018. — Febr. 1st [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/reflections-on-forty-years-of-china-reforms>.

8. *Kolodko G. W.* Cold War II / G. W. Kolodko // Blog — Volatile World. — Post 2506. — 2014. — Nov. 10th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.wedrujacyswiat.pl/blog/gwk_BLOG.pdf.

9. *Kolodko G. W.* Institutions, Policies and Growth / G. W. Kolodko // Rivista di Politica Economica. — 2004. — Maggio–Giugno. — P. 45–79.

10. *Marcus J.* The «globalization» of China's military power / J. Marcus // BBC News. — 2018. — Febr. 13rd [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-asia-china-43036302>.

11. *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. — N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1990.

12. The growing danger of great-power conflict. How shifts in technology and geopolitics are renewing the threat // The Economist. — 2018. — Jan. 25th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.economist.com/news/leaders/21735586-how-shifts-technology-and-geopolitics-are-renewing-threat-growing-danger>.

13. US Senate reaches two-year budget deal // BBC News. — 2018. — Febr. 7th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-42981072>.